
Вопросы международного права и сравнительного правоведения

Научная статья

Научная специальность

12.00.10 «Международное право; Европейское право»

УДК 341.234

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2021.4.135>

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «КОРЕННОЙ НАРОД» В МЕЖДУНАРОДНОМ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОМ ПРАВЕ

© Никитин Ф. И., 2021

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Освещается проблема определения понятия «коренной народ» в международном и внутригосударственном праве. Обнаруживается, что существующая в настоящее время практика определения данных народов продолжает сохранять некоторые трудности, преимущественно обусловленные отсутствием четкого, унифицированного и формально закрепленного определения данных народов на универсальном международно-правовом уровне. Особое внимание уделяется исследованию существующих подходов определения коренных народов, используемых на внутригосударственном уровне. Высказывается предложение о необходимости переосмысления данного понятия. Последнее подразумевает признание данных этнических сообществ в качестве автономных субъектов международного и внутригосударственного права. На основе проведенного анализа было сделано заключение о том, что существующая в настоящее время практика определения коренных народов сильно различается в зависимости от особенностей каждого конкретного государства. В то же время она обнаруживает определенную согласованность, основанную на исторических и культурных предпосылках.

Ключевые слова: коренные народы, индигенность, международное право, внутригосударственное право, юридическая доктрина, толкование.

THE PROBLEM OF DEFINING THE CONCEPT OF “INDIGENOUS PEOPLES” IN INTERNATIONAL AND DOMESTIC LAW

© Nikitin F. I., 2021

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

The article highlights the problem of defining the concept of “indigenous people” in international and domestic (local) law. It is found that the current practice of defining them still retains some difficulties due to the lack of a clear, unified and formally fixed definition of these peoples at universal legal level. Particular attention is given to the study of existing approaches to their definition used at domestic (local) level. A proposal is made that there is a necessity to rethink concept of defining “indigenous people”. Authors in the research understand the recognition of these ethnic communities as autonomous subjects of international and domestic (local) law. Based on the data analysis, it was concluded that the current practice of defining indigenous peoples are highly variable greatly depending on the features of each state. At the same time, it still reveals a certain coherence based on historical and cultural assumptions.

Keywords: indigenous peoples, indigeneity, international law, domestic (local) law, legal doctrine, interpretation.

Вне всякого рода сомнений, проблема определения коренных народов в международном и внутригосударственном праве продолжает оставаться недостаточно урегулированной. Отчасти это было обусловлено как огромным многообразием таких народов, так и другими сложностями, главным образом связанными с необходимостью органичного соединения всех их в одну юридическую дефиницию [1, с. 20]. Следует, однако, признать, что современное международное право в целом все-таки содержит определенное понимание относительно этих народов. Под таковыми, как правило, понимаются «конкретные люди, исторически

проживавшие на определенных территориях до прибытия на них людей, иной культуры, языка и этнического происхождения» [5, р. 291].

Впрочем, представленное понимание сегодня не ограничивается только колониальным контекстом, предполагающим внешнее вмешательство. Напротив, оно охватывает все существующее типологическое и видовое разнообразие таких групп [2, с. 409]. На основании изложенного считаем возможным начать свое исследование с анализа существующих международно-правовых установлений, содержащих в себе некоторые определения рассматриваемого понятия.

Так, одним из первых и широко известных сегодня определений коренных народов, используемых многими юристами в качестве рабочего [2, с. 411; 3, с. 50–51], считается определение, содержащееся в Исследовании специального докладчика, г-на Х. Мартинеса Кобо, по проблеме дискриминации коренного населения, подготовленном для Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств¹. Согласно последнему «коренными сообществами, народами и нациями являются те, которые сумели сохранить историческую преемственность с обществами, существовавшими до вторжения завоевателей и введения колониальной системы и развивавшимися на своих собственных территориях, считая себя отличающимися от других слоев общества, преобладающих в настоящее время на этих территориях или на части этих территорий. В настоящее время они составляют слой общества, не являющиеся доминирующими, хотя и сохраняют, развивать и передать будущим поколениям территорию своих предков, свою этническую самобытность в качестве основы для продолжения своего существования как народа, в соответствии со своими собственными культурными особенностями, социальными институтами и правовыми системами» (п. 379).

Обращение к тексту этого определения дает понять, что специальный докладчик сумел выразить в нем пять наиболее важных, по его мнению, характеристик (признаков), способных быть использованными на международном и внутригосударственном правовых уровнях для определения данных народов. В качестве таких элементов им были названы:

- 1) самоидентификация;
- 2) недоминирующее положение;
- 3) преемственность населения;
- 4) связь с землями или территориями предков;
- 5) наличие отдельной и самостоятельной этнической идентичности (п. 380).

В связи с этим кажется уместным заметить, что в отношении большинства этих признаков сегодня, как и прежде, продолжает происходить множество дискуссий [3, с. 51], о чем мы еще скажем ниже. Вместе с тем сперва окончательно уясним, какие еще определения данного понятия существуют в рамках действующего международного права.

Общеизвестно, что сам термин «коренной народ» имеет давнюю историю употребления в международно-правовых документах. Впервые

¹ Study of the Problem of Discrimination Against Indigenous Populations. Volume 5, Conclusions, Proposals and Recommendations, 1986. By José R. Martínez Cobo, Special Rapporteur of the Sub-Commission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities // U. N. Doc. E/CN.4/Sub.2/1986/7/Add.4.

он был озвучен еще в конце позапрошлого столетия, в ходе подготовки Заключительного документа Берлинской конференции по Африке 1884–1885 гг. В соответствии с его положениями великие державы брали на себя обязательство «покровительствовать коренному населению» (ст. 6)². Позднее данный термин можно было также встретить в Уставе Лиги Наций (ст. 22), многочисленных документах Панамериканского союза и других международных учреждений того периода³.

Согласно упоминанию Р. Ш. Гарипова, данный термин также использовался Международной организацией труда (МОТ) в далеком 1921 г. в проводимом ею исследовании проблем трудящихся из числа коренного населения [2, с. 411]. Вслед за этим исследованием МОТ были приняты несколько конвенционных документов, обращенных предметом своего правового регулирования к вопросам ведения коренными народами трудовых отношений [1, с. 21]. Четкий анализ положений этих нормативных установлений дает понять, что они лишь констатировали данный термин, при этом не раскрывая его содержания. Существующая в данной области ситуация смогла немного измениться только с принятием в 1957 г. Конвенции о защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни в независимых странах (№ 107)⁴ (далее – Конвенция № 107), фиксировавшей первое коннотативное определение последнего. Согласно п. 1 ст. 1 этого документа настоящая Конвенция применялась в отношении:

«а) лиц, входящих в состав такого населения, находящихся на менее высокой социально-экономической стадии развития, чем остальная часть общегосударственного коллектива, правовое положение которых могло бы регулироваться частично или полностью их собственными обычаями, традициями или же особым законодательством; а также

б) лиц, входящих в состав населения, ведущего племенной или полуплеменной образ жизни в независимых странах, и рассматривающихся как коренное население ввиду того, что они являются потомками жителей, населявших страну

² Деятельность по установлению стандартов: Развитие стандартов, касающихся прав коренных народов. Рабочий документ, подготовленный Председателем-докладчиком, г-жой Эрикой-Ирен Даес, по концепции «коренных народов», 1996. П. 11 // U. N. Doc. E/CN.4/Sub.2/AC.4/1996/2.

³ Устав Лиги Наций. Версальский мирный договор. М.: Литиздат НКВД, 1925.

⁴ О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах: Конвенция МОТ № 107 (Женева, 26 июня 1957 г.). URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=287 (дата обращения: 02.02.2020).

или географическую область, частью которой является эта страна, во времена ее завоевания или колонизации, независимо от своего правового положения, ведущих образ жизни, более соответствующий социально-экономическому и культурному строю тех времен, чем строю страны, в состав которой они входят».

Из этого определения следует, что коренное население рассматривалось данным документом преимущественно как «отсталое» и нуждающееся в приобщении к благам «цивилизации». Подобное заключение возможно к даче на основании следующей формулировки: «...они находятся на менее высокой социально-экономической стадии развития, чем остальная часть общегосударственного коллектива» (подп. «а» п. I ст. 1). В дальнейшем руководство МОТ пришло к осознанию содержащихся в тексте Конвенции № 107 многочисленных промахов, в результате чего в 1989 г. была принята Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (№ 169).¹ Последняя определила в качестве коренных народов:

«а) народы, ведущие племенной образ жизни в независимых странах, социальные, культурные и экономические условия которых отличают их от других групп национального сообщества и положение которых регулируется полностью или частично их собственными обычаями или традициями, или специальным законодательством; включая

б) народы в независимых странах, которые рассматриваются как коренные ввиду того, что они являются потомками тех, кто населял страну или географическую область, частью которой является данная страна, в период ее завоевания или колонизации или в период установления существующих государственных границ, и которые, независимо от их правового положения, сохраняют некоторые или все свои социальные, экономические, культурные и политические институты» (п. 1 ст. 1).

В некотором смысле весьма схожие формулировки с озвученными ранее содержались также в документах, принятых в рамках других международных институтов. Например, в подготовленном председателем-докладчиком Рабочей группы по коренному населению, г-жой Э.-И. Даес, рабочем документе по концепции

«коренных народов»² были изложены факторы, которые современные международные организации и эксперты-юристы (включая экспертов-юристов коренных народов и представителей научного сообщества) считают наиболее важными для понимания концепции «коренных народов». Эти факторы включали в себя:

«а) приоритет по времени, в отношении занятия и использования данной территории;

б) добровольное сохранение культурной самобытности, которая может включать в себя аспекты языка, социальной организации и религии, и духовные ценности, формы производства, законы и общественные установления;

с) самоидентификацию, а также признание другими группами или государственными властями в качестве отдельной общности; а также

д) пережитое подчинение, маргинализацию, экспроприацию, изоляцию или дискриминацию вне зависимости от того, сохраняются ли такие условия и поныне» (п. 69).

Кроме того, вопросом толкования рассматриваемого термина занимался и Всемирный банк (далее – Банк), сформулировавший несколько определений последнего. Все они были изложены в трех операционных документах, принятых руководством этого учреждения. К этим документам относились: Операционная директива Всемирного банка 2.34 1982 г., Операционная директива Всемирного банка 4.20 1991 г. и Операционная директива Всемирного банка 4.10 2005 г. [3, с. 55–58; 4, с. 14–18]. Впрочем, принимая во внимание тот факт, что данные определения в целом фиксировали аналогичные озвученным ранее характеристики и признаки, считаем возможным более не останавливаться на их рассмотрении, но перейти к дальнейшему исследованию проблемы определения данных народов, отметив лишь то, что деятельность Банка сыграла весьма важную роль для формирования концептуальных основ этого понятия.

Таким образом, приведенные ранее положения все же не следует считать полноценным юридическим определением коренных народов, поскольку они указывают лишь на возможные области проявления их специфики, а именно: «социальные, культурные и экономические условия», а также на наличие «собственных обычаев или традиций или специального законодательства» [3, с. 52]. Последнее предполагает формирование небольшого суждения: почти все из рассмотренных нами определений понятия

¹ Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах [Конвенция 169]. Принята 27 июня 1989 г. Генеральной конференцией Международной организации труда на ее 76-й сессии. URL: http://www.un.org/fr/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (дата обращения: 31.10.2019).

² Деятельность по установлению стандартов: Развитие стандартов, касающихся прав коренных народов. Рабочий документ, подготовленный Председателем-докладчиком, г-жой Эрикой-Ирен Даес, по концепции «коренных народов», 1996 // U. N. Doc. E/CN.4/Sub.2/AC.4/1996/2.

«коренной народ» обнаруживают высокую долю сходства. Следует, однако, вновь оговориться, отметив, что практически ни одно из них все-таки не может претендовать на его полноценное юридическое определение. Данный аргумент позволяет нам выделить ряд отличительных признаков, служащих своеобразным ориентиром для отнесения определенных этнических групп к данной категории, одновременно с этим являющихся гарантией признания их статуса на международном и внутригосударственном правовых уровнях.

В зависимости от используемого подхода к пониманию «индигенности», т. е. представления о том, что значит «быть коренным», такие признаки могут включать в себя:

- 1) самосознание в качестве коренных народов;
- 2) исконность проживания на определенной территории (включает: преемственность населения и «глубокую связь» с территориями своего проживания и природными ресурсами);
- 3) преобладание хозяйства, основанного на экономике присваивающего типа;
- 4) сохранение традиционных и автономных социальных, политических и правовых институтов;
- 5) недоминирующее положение;
- 6) наличие особой культурной специфики и языка.

В данном контексте следует вновь вернуться к озвученному ранее замечанию о продолжении сохранения существующей социально-политической дискуссии относительно представленных признаков. Действительно, сегодня многими экспертами-юристами гораздо чаще высказываются суждения о неспособности применения данных признаков к коренным народам. Озвученная мысль весьма неплохим образом была выражена Рави Де Коста: «...большинство данных признаков следует рассматривать в лучшем случае – как архаичные, а в худшем – как расистские» [6, р. 13]. Причина подобного восприятия данных признаков, по его мнению, связывается с происходящими в настоящее время социально-политическими и социально-экономическими трансформациями, в числе которых он называет «увеличение интенсивности миграции населения; его метисацию, а также иные обстоятельства» [6, р. 13].

Принимая во внимание представленные выше сложности, продолжающие не самым благоприятным образом оказывать свое влияние на решение вопроса о выработке единой юридической дефиниции этого понятия, далее остановимся на рассмотрении некоторых подходов, используемых в ряде государств в целях определения данных народов.

Так, например, в ряде Скандинавских стран принадлежность индивида к коренному народу саами определяется на основании использования саамского языка в кругу семьи и приверженности к занятию оленеводством [6, р. 13]. Из данного примера следует, что в этих странах приняты к использованию подходы, основанные на так называемых культурных и экономических признаках, коими являются: «наличие особой культурной специфики и языка», а также «преобладание хозяйства присваивающего типа».

Позволим, однако, сказать несколько слов о втором признаке. По своей сути он представляет одну из моделей «индигенности». Данным свойством предполагается, что коренные народы обладают рядом устойчивых связей (исторических, территориальных, экономических и духовных) с соответствующими территориями и их ресурсами. В научных кругах данный признак принято обозначать как «экономический» [5, р. 20]. В его основе лежит положение о «преобладании у этих народов хозяйства присваивающего типа, ориентированного на жизнь от земли» [10, р. 5]. Существующей модели придерживаются многие страны. Наряду с упомянутым ранее примером Скандинавии, подобная практика определения коренного населения используется некоторыми странами Азии и Африки.

Так, например, Конституция Кении относит к числу коренных сообществ только те, которые «сохраняют и поддерживают традиционный образ жизни и средства к существованию, основанные на охоте или присваивающем типе экономики» (ст. 250).¹ Однако, как показывает реальное положение вещей, многие коренные народы все чаще останавливают свой выбор на более технологичных, интеллектуальных, одновременно с этим и творческих формах ведения хозяйственной деятельности, не предполагающих продолжения сохранения зависимости только от «земли и ее ресурсов». К последним принято относить те виды, которые основаны:

- 1) на переработке имеющихся ресурсов (например: изготовление художественной продукции);
- 2) реализации полученной продукции (торговля); а также
- 3) распоряжении своим интеллектом и рабочей силой (сфера услуг, туризм и т. д.) [9, р. 41].

Представленные виды хозяйственной деятельности коренных народов должны свидетельствовать о довольно высоком уровне их интеграции в рыночную экономику и современную постиндустриальную урбанистическую культуру. Одновременно с этим они дают основание говорить о постепенном отказе неко-

¹ The Constitution of Kenya, 2010. URL: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/ke/ke019en.pdf> (дата обращения: 27.06.2020).

торых из них от продолжения зависимости от присвоения ресурсов. Отсюда следует, что осуществление коренными народами таких, казалось бы, «традиционных» видов деятельности, как рыболовство, охота или собирательство, едва ли обоснованно рассматривать в качестве основания, способного определить их статус.

В других странах, наряду с продолжением использования подходов, основанных на «экономике» и «способе производства», особое значение получили подходы, предполагающие восприятие коренного населения в качестве «народов, которым угрожает реальная опасность исчезновения, вследствие их малочисленности», в сравнении с господствующим населением страны. Последнее предполагает рассмотрение этих народов в качестве наиболее уязвимых групп населения [2, с. 410]. Так, в действующем федеральном законодательстве России было закреплено положение, согласно которому коренными народами следует считать «народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков... насчитывающие менее 50 тыс. человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями» (п. 1 ст. 1).¹

Одновременно с этим во многих странах коренное население может составлять и зачастую составляет преобладающую часть общегосударственного коллектива. Например, как это имеет место в Латинской Америке [Там же, с. 415]. В силу этого факта преобладающее в некоторых странах понимание «малочисленности» как «единственно верного» признака, способного определять данные народы, совершенно не стоит воспринимать в подобном качестве, поскольку «малочисленность» не является характерной чертой для абсолютного большинства этих народов.

Говоря о латиноамериканских странах, вполне уместным было бы также упомянуть об использовании на государственном уровне подходов, уделяющих особое внимание «культурной самобытности» коренных народов [6, с. 13]. Так, новая Конституция Боливии, к примеру, отнесла к числу коренных народов сообщества, «разделяющие культурную самобытность, язык, исторические традиции, институты, территорию и мировоззрение, предшествовавшие испанскому колониальному вторжению» (п. 1 ст. 30).² Последние основываются на так называемых культурных признаках, включающих в себя: «глубокую связь с территориями своего проживания и природными ресурсами», «сохранение тради-

ционных и автономных социальных, политических и правовых институтов», а также «наличие особой культурной специфики и языка».

При всем этом наиболее важным признаком данных народов, бесспорно, считается признак «самосознания». Он основан на принципе «самоидентификации» [4, с. 9], получившем закрепление во многих международных документах. Например, в ст. 33 Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов 2007 г.³ было закреплено «право коренных народов самостоятельно определять свое членство и идентичность». Благодаря этому данный признак, среди прочих других, признается имеющим «основополагающее» значение для самих этих народов, поскольку позволяет им самостоятельно принимать решение и определять тех, «кого следует считать “коренными”, а кого – нет».

В то же время применение этого признака на практике не всегда возможно, поскольку требует официального признания претендующего на получение статуса «коренного народа» сообщества со стороны других сообществ, обладающих таким же статусом, что и оно [Там же, с. 12]; либо – признания официальных органов власти государств и (или) международных организаций.

На основании изложенного считаем уместным сделать небольшое заключение: в реальности применение указанных критериев будет происходить скорее совместно, чем отдельно. Общеизвестно, что в США индейцем обычно принято считать человека, который отвечает как минимум двум из названных выше признакам [2, с. 413]. Обязательным условием здесь по-прежнему будет оставаться доказывание заявителями своего индейского происхождения [Там же], так называемой преемственности своей самобытности и автономии от более ранних сообществ, исторически существовавших на их территориях [6, р. 14]. Последняя формулировка наглядно иллюстрирует вторую модель «индигенности», более известную как «территориальная» [4, с. 20]. По своей сути она фокусируется на необходимости установления четкого момента заселения соответствующей территории человеком, что соответствует принципу «первого владения». Подобного мнения придерживается известный новозеландский теоретик и философ права, профессор Дж. Уолдрон [10, р. 4].

Озвученное г-ном Уолдроном понимание индигенности предполагает, что претендующее на получение статуса коренного народа сообщество должно быть признано в качестве первых

¹ О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : федер. закон от 30 апр. 1999 г. № 82-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² Bolivia (Plurinational State of)'s Constitution of 2009. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Bolivia_2009.pdf (дата обращения: 17.07.2020).

³ Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сент. 2007 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 04.04.2020).

поселенцев (аборигенов) соответствующей территории со стороны их нынешних соседей, т. е. народов, пришедших на их землю позднее. При этом начало такого присутствия должно подтверждаться различными историческими, археологическими, археографическими и иными фактами и источниками [4, с. 20]. Тем не менее в случае, если соседями таких народов исторически оказывались сообщества, имеющие европейское происхождение, процесс выявления коренных народов будет выглядеть сравнительно простым занятием, поскольку здесь речь будет идти скорее о колонизации [Там же, с. 21]. При таких обстоятельствах коренными народами будут считаться: коренные американцы, австралийцы и тихоокеанские народы, малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока России, саамы Скандинавии и др. [2, с. 409].

В то же время, когда выявление указанных фактов и источников не представляется возможным, процесс установления принадлежности отдельных сообществ к коренным народам рискует встать в тупик. Подобная ситуация в наибольшей степени актуальна для азиатских стран. В свое время Бангладеш и Индия заявили о неспособности определить, какой народ является более коренным среди всех групп населения, проживающих в этих странах, вследствие не прекращающегося и сегодня процесса миграции населения [Там же, с. 410]. При всем том этот пример наглядно показывает, как зачастую бывает сложно, а иногда абсолютно невозможно установить, какой народ или какая группа населения из представленных в стране являются более коренными.

В ответ на это органами государственной власти некоторых стран, включая академические круги, предлагались к использованию генетические тесты, предполагающие создание для этого специальной базы данных. Подобная идея высказывалась в ряде штатов США и Австралии [7]. Последняя, однако, так и не смогла получить должной поддержки, повсеместно распространившись в указанных государствах, прежде всего, по причине огромных финансовых затрат, связанных с исследованием и хранением огромного количества генетического материала [8, р. 180]. Отсюда следует, что существующее в настоящее время многообразие практик, принятых на внутригосударственном уровне и используемых в целях установления принадлежности отдельных индивидов и их групп к рассматриваемой категории, основывается на совершенно различных подходах.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что в большинстве современных государств приняты к использованию самые различные

подходы определения коренных народов, сформированные как на противопоставлении их другим народам, часто выступающим в качестве новых поселенцев на занимаемых ими территориях, так и на необходимости доказывания своего происхождения.

В то же время наиболее распространенными и достаточно широко применяемыми все же считаются подходы, основанные на установлении и доказывании происхождения от более ранних сообществ, исторически существовавших на определенных территориях, частью которых они являются, зависимости этих народов от примитивной хозяйственной деятельности, а также культурных отличиях от доминирующего общества.

Последнее, в свою очередь, предполагает необходимость их унификации и принятия единого юридического определения коренных народов в рамках современного международного права. Вместе с этим мы все же склонны считать, что при любой возможной попытке выработать и принять хоть какое-либо общее правовое определение, действительно способное получить всеобщее признание, несомненно, следует учитывать точку зрения самих коренных народов, а не основываться лишь на единообразном видении правительств государств, в которых данные народы проживают [2, с. 410].

Принимая во внимание все вышесказанное, считаем, что коренные народы следует рассматривать как коллективную этническую общность, выступающую в качестве автономного субъекта международного и внутригосударственного права, характеризующуюся наличием особой связи со своими территориями и ресурсами, основанной на уважительном отношении последних к природе и другим людям, и соответственно этому предполагающую использование таких хозяйственных практик, которые не способны нанести никому вреда. Данные народы имеют глубокие социальные связи в рамках своих общин, а также стремление к дальнейшему продолжению осознания себя в качестве единого сообщества. 

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананидзе Ф. Р. Некоторые проблемы определения понятия «коренной народ» // Юрист-международник. 2006. № 2. С. 19–27.
2. Гарипов Р. Ш. Понятие «коренной народ» и их статус в международном и внутригосударственном праве // Международное право и международные организации. 2013. № 3. С. 408–420.
3. Соколовский С. В. Коренные народы: между интеграцией и сохранением культур // Этнические категории и статистика. Дебаты в России и во Франции: сб. ст. / под ред. Е. И. Филиппова. М., 2008. С. 49–70.
4. Соколовский С. В. Политика признания коренных народов в международном праве и законодательстве Российской

Федерации. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2016. Вып. 250. 69 с.

5. Das J. K. Human Rights and Indigenous Peoples. New Delhi: A. P. H. Publishing Corporation, 2001. 454 p.

6. De Costa R. Self-Determination and State Definitions of Indigenous Peoples // Restoring Indigenous Self-Determination Theoretical and Practical Approaches. 2014. P. 12–18.

7. Gardiner-Garden J. Defining Aboriginality in Australia. Current Issues Brief No. 10 2002–03. Canberra: Department of the Parliamentary Library, Commonwealth of Australia, 2003. 32 p. URL: <https://www.aph.gov.au/binaries/library/pubs/cib/2002-03/03cib10.pdf>. (дата обращения: 05.05.2020).

8. Harry D. Indigenous peoples and gene disputes // Chicago-Kent Law Review. 2009. Vol. 84, no 1. P. 147–196.

9. Rowse T. Self-Determination and Self-Transformation // Restoring Indigenous Self-Determination Theoretical and Practical Approaches. 2014. P. 34–44.

10. Waldron J. Who was here first? Two essays on indigeneity and settlement. Quentin Baxter Memorial Lecture, Victoria University of Wellington. December 5, 2002. 57 p.

REFERENCES

1. Ananidze E.R. Nekotorye problemy opredeleniya ponyatiya “korennoj narod” [Some problems of defining the concept of “indigenous people”]. *Yurist-mezhdunarodnik* [International lawyer], 2006, no 2, pp. 19–27. (in Russian).

2. Garipov R.Sh. Ponyatie «korennoj narod» i ih status v mezhdunarodnom i vnutrigosudarstvennom prave [The concept of “indigenous people” and their status in international and domestic law]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii* [International law and international organizations], 2013, no 3, pp. 408–420. (in Russian).

3. Sokolovskij S.V. *Korennye narody: mezhdru integraciej i sohraneniem kul'tur* [Indigenous Peoples: Between Integration and Preservation of Cultures]. *Etnicheskie kategorii i statistika. Debaty v Rossii i vo Francii* [Ethnic categories and statistics. Debate in Russia and France]. Moscow, 2008, pp. 49–70. (in Russian).

4. Sokolovskij S.V. *Politika priznaniya korennyh narodov v mezhdunarodnom prave i zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii. Issledovaniya po prikladnoj i neotlozhnoj etnologii* [The recognition

policy of indigenous peoples in international law and the legislation of the Russian Federation. Research on Applied and Emergency Ethnology]. Moscow, IEA RAN Publ., 2016, vol. 250, 69 p. (in Russian).

5. Das J.K. Human Rights and Indigenous Peoples. New Delhi, A. P. H. Publishing Corporation, 2001, 454 p.

6. De Costa R. Self-Determination and State Definitions of Indigenous Peoples. Restoring Indigenous Self-Determination Theoretical and Practical Approaches. 2014, p. 12–18.

7. Gardiner-Garden J. Defining Aboriginality in Australia. Current Issues Brief No. 10 2002–03. Canberra: Department of the Parliamentary Library, Commonwealth of Australia, 2003. 32 p. Available at: <https://www.aph.gov.au/binaries/library/pubs/cib/2002-03/03cib10.pdf>. (date of access: 05.05.2020).

8. Harry D. Indigenous peoples and gene disputes. Chicago-Kent Law Review, 2009, vol. 84, no 1, pp. 147–196.

9. Rowse T. Self-Determination and Self-Transformation // Restoring Indigenous Self-Determination Theoretical and Practical Approaches, 2014, pp. 34–44.

10. Waldron J. Who was here first? Two essays on indigeneity and settlement. Quentin Baxter Memorial Lecture, Victoria University of Wellington. December 5, 2002. 57 p.

Статья поступила в редакцию 21.11.2020; одобрена после рецензирования 12.10.2021; принята к публикации 01.12.2021

Received on 21.11.2020; approved on 12.10.2021; accepted for publication on 01.12.2021

Никитин Федор Иванович – аспирант кафедры международного и европейского права, Юридический факультет, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18), ORCID: 0000-0002-0211-1500, ResearcherID: ABD-6695-2021, e-mail: feodornikitine@yandex.ru

Nikitin Fyodor Ivanovich – Postgraduate student, Department of International and European Law, Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University (18, Kremlyovskaya st., Kazan, 420008, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-0211-1500, ResearcherID: ABD-6695-2021, e-mail: feodornikitine@yandex.ru